

* Военный дневник

Константин СИМОНОВ

СТО СУТОК ВОЙНЫ

ОГЭВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 2025

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622
С37

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Фотографии на обложке предоставлены
из семейного архива Симонова К.М.

Художественное оформление — Григорий Калугин

Симонов, Константин Михайлович.

С37 Сто суток войны / Константин Михайлович Симонов. — Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2025. — 608 с. — (*Военный дневник*).

ISBN 978-5-17-175833-2

Константин Михайлович Симонов (1915–1979) — известный советский писатель, автор трилогии «Живые и мертвые», а также многих хрестоматийных стихотворений военной поры («Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» и др.).

Во время Великой Отечественной войны в качестве военного корреспондента К.М. Симонов побывал на многих фронтах от Черного до Баренцева моря. Книга «Сто суток войны» написана на основе фронтовых блокнотов, которые писатель вел в первые месяцы войны. Еще в военные годы он их литературно обработал и передиктовал стенографистке, а через четверть века, закопавшись в архивах, тщательно проверил и прокомментировал.

Дневники Константина Михайловича позволяют погрузиться в водоворот событий первых месяцев войны, увидеть непростые будни военных корреспондентов. Правдиво и откровенно автор рассказывает о тех, кто принял на себя первый, самый страшный, удар гитлеровских войск.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны, советской литературой и публицистикой этого времени.

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

ОТ АВТОРА

На протяжении войны я был военным корреспондентом. Насколько позволяла обстановка, я делал на фронте краткие записи в блокнотах, а потом в Москве между командировками передиктовывал их стенографистке, восполняя недостающее по памяти. Часть фронтовых блокнотов сохранилась, часть при разных обстоятельствах пропала. Все, что было продиктовано, сохранилось полностью.

Записи за июнь — сентябрь 1941 года, которые я сейчас предлагаю вниманию читателей, были продиктованы в марте — апреле 1942 года. В этот период весеннего затишья на фронте я около месяца работал в Москве, в редакции «Красной звезды» и урывками диктовал свои записки работавшей там во время войны дежурной стенографистке, ныне покойной, М. Н. Кузько.

Небольшая часть этих записок с существенными купюрами была опубликована сразу после войны — летом 1945 года; несколько страниц вошло в 1965 году в мою книжку «Каждый день — длинный».

Сейчас, при публикации записок, я исправил в них бросавшиеся в глаза стилистические погрешности и сделал купюры личного характера.

На страницах записок отражена точка зрения, сложившаяся у меня к марту — апрелю 1942 года.

И когда читатель будет встречаться в тексте записок с такими оборотами речи, как: «Сейчас, когда я знаю...»

или «Теперь, когда выяснилось, что...», — пусть он помнит, что все эти «сейчас» и «теперь» относятся к весне 1942 года. Позади оставались поражения первых месяцев войны, победа под Москвой и наше зимнее, уже начавшее выдыхаться наступление. Впереди были тяжелые весна и лето 1942 года — Керчь, Харьков...

В начале Великой Отечественной войны мне было двадцать пять лет. Сейчас — пятьдесят.

Готовя записки к печати, я испытал потребность высказать мои нынешние взгляды на события того времени — это сделано в комментариях.

В них читатели найдут также ряд фактических уточнений. Я сделал это в комментариях, а не в тексте, потому что наше тогдашнее незнание или неверное толкование многих фактов есть историческая черта того времени, и, чтобы наглядно ее обнаружить, я предпочел комментировать, а не исправлять написанное мною тогда.

В тех случаях, когда мне это удалось, я постарался проследить дальнейшие судьбы людей, с которыми я встречался в 1941 году, и историю частей, в которых был.

Если верно, что нельзя оценивать события сорок пятого года, упуская из памяти сорок первый год, — в такой же мере верно и обратное — невозможно осмыслить события начала войны, не памятуя о падении Берлина. Хотя погибшие в сорок первом так и не узнали об этом.

СТО СУТОК ВОЙНЫ

ЗАПИСКИ

Двадцать первого июня меня вызвали в Радиокomitee и предложили написать две антифашистские песни [1]¹. Так я почувствовал, что война, которую мы, в сущности, все ждали, очень близка.

О том, что война уже началась, я узнал только в два часа дня. Все утро 22 июня писал стихи и не подходил к телефону. А когда подошел, первое, что услышал: война.

Сейчас же позвонил в политуправление. Сказали, чтоб позвонил еще раз — в пять.

Шел по городу. Люди спешили, но, в общем, все было внешне спокойно, только по-особенному нервно.

Был митинг в Союзе писателей. Во дворе столпилось много народу. Среди других были многие из тех, кто, так же как и я, всего несколько дней назад вернулся из лагерей после окончания курсов военных корреспондентов. Теперь здесь, во дворе, договаривались между собой, чтоб ехать на фронт вместе, не разъединяться. Впоследствии, конечно, все те разговоры оказались наивными, и разъехались мы не туда и не так, как думали.

На следующий день нас — первую партию — человек тридцать вызвали в политуправление и распределили по газетам. Во фронтовые — по два, в армейские — по одному. Мне предстояло ехать в армейскую газету. Было

---

¹ Примечания оставлены как в источнике — отдельной частью, а сноски выделены как главы в ней.

немножко неожиданно это предстоящее одиночество. Писательское, конечно.

Потом до вечера был в Наркомате. Там выписывали документы: мне в армейскую газету 3-й армии. Получили документы и обмундирование. Оружия не дали, сказали: достанете на фронте. Там, в вещевом цейхгаузе, я в последний раз видел тех, с кем мы разъезжались.

Шумели, примеряя военную форму. Были очень оживлены, может быть, даже слишком, нервничали.

Шинель впопыхах выбрал себе не по росту, и пришлось ее на следующее утро, 24-го, менять в военторге. Там в последний раз видел Долматовского. Он покупал шпалы. Так и простились с ним посреди магазина.

В эту ночь — с 23-го на 24-е — была первая воздушная тревога, как потом оказалось — учебная [2]. Все это, конечно, были игрушки, но я тащил детей с пятого этажа вниз, в убежище, и мне все это казалось тогда чрезвычайно серьезным.

Двадцать четвертого, еще засветло, ездил на вокзал, чтобы оформить до Минска свои литеры, но места так и не добился, только узнал, когда пойдет поезд. Решил, что как-нибудь сяду. Было настроение проститься с Москвой сегодня и не откладывать отъезда еще на день.

Вечером в Москве было абсолютно темно. Машины, в которой я ехал на вокзал, задержали: шофер ехал с какими-то не такими предохранительными сетками, которые положено было иметь. К счастью, подвезла другая машина, и в последнюю минуту я все-таки попал к поезду, отходившему на Минск. Верней, думал, что в последнюю минуту, потому что поезд ушел только через два часа.

На вокзале кое-где горели синие лампочки. Первые признаки неразберихи и беспорядка. Черный вокзал, толпа людей, непонятно, когда, куда и какой идет поезд, какие-то решетки, через которые не пускают. Перебросил чемодан, потом перелез сам.

Шинель была хорошо пригнана, ремни скрипели, и мне казалось, что вот таким я всегда и буду. Не знаю, как другие, а я, несмотря на Халхин-Гол, в эти первые два дня настоящей войны был наивен, как мальчишка.

Поезд тронулся. Вагоны были — неизвестно почему — дачные, без верхних полок, хотя поезд шел до Минска.

Я должен был явиться в политуправление фронта в Минске, а оттуда — в армейскую газету 3-й армии. В вагоне ехали главным образом командиры, возвращавшиеся из отпусков. Было тяжело и странно. Казалось, что половина Западного военного округа была в отпуску. Я не понимал, как это случилось. Впрочем, не понимаю этого и до сих пор.

Ехали ночь на 25-е и весь день 25-го. Вечером в Орше бомбили, но где-то далеко от поезда. 26-го, вернее в ночь на 26-е, поезд подошел к Борисову. Известия с каждым часом были все тревожнее. И, надо сказать, мы быстро привыкали к ним, хотя им и трудно было поверить.

Рядом со мной в вагоне сидели полковник-танкист и его сын, мальчик лет шестнадцати, которого отцу разрешили взять с собой в армию. Кроме них — один артиллерийский капитан, по виду спокойный человек.

Слезли в Борисове в шесть утра. Дальше поезда не шли. *Были сведения, что пути до Минска разбомблены и в каком-то месте перехвачены десантом [3].* Как потом говорили, 26-го немцы уже вышли на железную дорогу между Минском и Борисовом, обойдя Минск. Но тогда нам это еще не приходило в голову, думали: десант. Мы вылезли прямо у станции, свалили в кучу чемоданы. Сын полковника заботливо помогал старшим устроиться с харчами. Все вытащили всё, что было, и ели вместе. Кто-то вдруг притащил бочонок сметаны. Черпали сметану котелками, кружками и даже касками. По сути дела, было в этом что-то грустное. Внешне как будто ничего особенного, а в сущности: эх, где наше не пропадало!

Поев, три часа металась по городу в поисках какой-нибудь власти. Ни комендант станции, ни комендант города ничего не могли сказать. Начальник гарнизона, корпусной комиссар Сусайков, был не то в городе, не то у себя в бронетанковом училище, которым он командовал, километрах в двенадцати от города.

После долгих поисков мы с артиллерийским капитаном поймали пятитонку, шофер которой готовился бросить ее из-за того, что кончился бензин, и поехали по Минскому шоссе искать хоть какое-нибудь начальство.

Над городом крутились самолеты. Была отчаянная жара и пыль. У выезда из города, возле госпиталя, я увидел первых мертвых. Они лежали на носилках и без носилок. Не знаю, откуда они появились. Наверное, после бомбежки.

По дороге шли какие-то войска и машины. Одни в одну сторону, другие — в другую. Ничего нельзя было понять.

Выехали из города, но там, где стояло бронетанковое училище, верней, должно было стоять, и где, по нашим расчетам, мог находиться начальник гарнизона, все было настезь распахнуто и пусто. Стояли только две танкетки, и в ожидании отъезда сидели в одной из пустых комнат их экипажи. Никто ничего не знал. Начальник гарнизона, по слухам, был где-то на Минском шоссе, а училище было уже эвакуировано.

Поехали обратно в город. Немецкие самолеты гонялись за машинами. Один прошел над нами, строча из пулемета. От грузовика полетели щепки, но никого не задело. Я плюхнулся в пыль, в придорожную канаву.

Вернулись в комендатуру. Комендант — какой-то старший лейтенант — кричал: «Закопать пулеметы!» За два часа нашего отсутствия многое переменялось. Была уже паника. По городу шли и бежали неизвестно куда какие-то люди.

Я попросил коменданта выдать мне наган. На это комендант мне ответил: «Эх! Что бы вам обратиться раньше на полчаса. Ничего не осталось. Все за час роздали. Даже маузеры раздавали рядовым бойцам».

В нашей машине бензин действительно был уже на исходе. Узнав, где находится нефтебаза — она была где-то примерно в пятнадцати километрах от Минска, — поехали туда за бензином. По дороге посадили в машину какого-то интенданта и еще двух-трех военных.

На нефтебазе все оказалось спокойно, хотя по дороге нас уверяли, что там уже немцы. Пока мы ведрами заливали бензин в машину, капитан пошел к начальнику нефтебазы что-то выяснить. Войдя вслед за ним, я увидел странную картину: капитан и какой-то подполковник держали под взведенными наганами двух командиров в форме саперов. Один из них был с орденами. У обоих было отобрано оружие. Как впоследствии оказалось, их прислали сюда выяснить возможность подрыва нефтебазы, и не то они перепутали и явились уже подрывать ее, не то их не так поняли, в общем, вышло какое-то недоразумение, из-за которого капитан и подполковник приняли их за диверсантов и пять минут держали под револьверными дулами. Когда все наконец выяснилось, один из саперов — немолодой майор с двумя орденами — стал кричать, что с ним еще никогда такого не было, что он три раза был ранен в финскую кампанию, что после такого позора ему остается только застрелиться. С трудом удалось его успокоить.

Заправившись бензином, поехали обратно. На переезде стоял длиннейший состав, загораживавший дорогу. Голова его упиралась в хвост другого состава, загораживавшего следующий переезд. И так, кажется, до бесконечности. Двое из сидевших в кузове нашей машины стали кричать и требовать, чтобы мы бросили машину и шли пешком, потому что поезда никогда не пойдут и нас тут настигнут немцы. Мы с капитаном на них накричали.

Но, действительно, пришлось ждать около часа. Где-то бухала артиллерия. Было отвратительное ощущение неизвестности, а у меня к тому же — безоружности. Болтавшаяся на боку пустая кобура только раздражала.

Когда мы снова добрались до города, комендатура грузилась. На мой вопрос, что происходит, комендант охрипнувшим голосом прокричал:

— Есть приказ маршала Тимошенко оставить Борисов, перейти на ту сторону Березины и там, не пуская немцев, защищаться до последней капли крови!

Мы выехали из города. По пыльной дороге на восток шли машины, изредка — орудия. Двигались пешком люди. Теперь все уже направлялись только в одну сторону — на восток.

На дамбе, перед мостом, стоял совершенно растрепанный человек с двумя наганями в руках. Он останавливал людей и машины и, вне себя, грозя застрелить, кричал истерическим голосом, что он — политрук Петров — должен остановить здесь армию, и он остановит ее и будет убивать всех, кто попытается отступить. Этот человек был искренен в своем отчаянии, но все это вместе взятое было нелепо, и люди равнодушно ехали и шли мимо него. Он пропускал их, хватал за гимнастерки следующих и опять грозил застрелить.

Переехав через мост, мы свернули с дороги и остановились в небольшом редком лесу, метрах в шестистах от реки. Здесь уже кишмя кишело народом. Как мне показалось тогда, беглецов и дезертиров было мало. По большей части командиры и красноармейцы, ехавшие из отпусков обратно в части. А кроме них — бесконечное количество призванных, упорно двигавшихся на запад, на свои призывные пункты.

Было уже часа четыре дня. *Несколько полковников, в том числе и тот полковник-танкист Лизюков, с которым я ехал в одном вагоне, наводили в лесу порядок [4].* Составляли списки, делили людей на роты и батальоны

и отправляли налево и направо вдоль берега Березины занимать оборону. Было много винтовок, несколько пулеметов и орудий.

Артиллерийский капитан, с которым я ехал, отправился еще раз обратно в Борисов за снарядами к пушкам, потому что хотя здесь были и пушки и снаряды, но калибр снарядов не соответствовал калибру орудий.

Я загнал машину в лес и пошел записываться. Записавшись, встретил военного юриста, кажется, прокурора какой-то дивизии, который тоже ехал со мной в одном вагоне. Он сказал мне, что ему приказали заниматься тут его прокурорскими делами, и посоветовал мне быть при нем: «Ведь не газету же здесь выпускать». Через несколько минут он притащил мне откуда-то винтовку со штыком, но без ремня, так что мне все время приходилось держать ее в руках.

Через полчаса после того, как я попал сюда, немцы с воздуха обнаружили наше скопление и стали обстреливать лес из пулеметов. Волны самолетов шли одна за другой примерно через каждые двадцать минут, может быть, полчаса. Наших не было видно.

Мы ложились, прижимались головами к тощим деревьям. Лес был редкий, и нас очень удобно было расстреливать. Опасность была еще и в том, что кругом, из-за каждого куста, при появлении немецких самолетов начиналась дикая стрельба в божий свет как в копеечку. Никто друг друга не знал, и при всем желании люди не могли толком ни приказывать, ни подчиняться.

— Хотя бы дождаться темноты, — сказал мне прокурор. Наконец часа через три над лесом низко прошло звено И-15. *Мы вскочили, довольные, что наконец-то появились наши самолеты. Но они полили нас хорошей порцией свинца* [5]. Несколько человек рядом со мной были ранены — все в ноги. Как лежали в ряд, так их и пересекла пулеметная очередь.